25 ИЮН 1982

Знамя Коммунизма
г. Одесса

Театр — его стихия

К 70-ЛЕТИЮ ЗАСЛУЖЕННОГО АРТИСТА УССР Л. МАРЕННИКОВА

Мне не довелось видеть первые работы Леонида Семеновича Маренникова в Одесском русском драматическом театре имени А. Иванова, но если судить по рецензиям прошлых лет, он великолепно играл Васку Гуску в «Последнем сигнале» И. Гайданко, Швандю в «Любови Яровой» К. Тренева, Остапа Бендера в «Двенадцати стульях» по Ильфу и Петрову, Хлестакова в «Ревизоре» Н. Гоголя, покоря зрителей обаянием, удивительной пластикой и умением найти в каждом своем герое нечто новое.

Наблюдения за Маренниковым во время его работы над Стариком в одноименной пьесе М. Горького и Паскуалино в спектакле «Рождество в доме синьора Купьелло» Эдуардо де Филиппо навсегда определили мое отношение к нему — артисту и человеку, истинная стихия которого — театр.

Старик Маренникова был страшен: обуглившееся от ненависти лицо, звериный оскал, горящие под косматыми бровями глаза. Но главное было не во внешнем рисунке. На сцене жил человек со страшной философией человека ненавистничества, для которого страдания ближнего — радость. Следует отме-

тить, что тема Старика в дальнейшем получила свое конкретизированное выражение в роли Гитлера в спектакле «Когда мертвые оживают». И. Разады.

Прямо противоположным Старику был неунывающий Паскуалино — нахлебник и приживала в доме своего брата Купьелло. Интерес Маренникова к миру «маленького человека» пришел с возрастом и синтезировал в себе житейскую мудрость и накопленный с годами опыт. Его Паскуалино со своими претензиями, со своим высокомерием, со своим болезненным самолюбием мог поначалу показаться и смешным и жалким. Но артист не спешил осмеять своего героя. Он старался его понять и сделать понятным зрителям. На сцене жил и страдал человек, за судьбой которого зритель следил с неослабевающим интересом.

Леонид Семенович Маренников умеет быть достоверным в каждой роли. В нем уживаются грубоватая простота Васки Гуски и Шванди с подчеркнутым аристократизмом Князя из спектакля «Дело» А. В. Сухова-Кобылина, вальжность Остапа Бендера с раскованностью Кьеррикуццо из спектакля «Ринальдо-гарibaldiец» Д.

Модуньо.

В последние годы как-то перестали обращать внимание на внешний рисунок роли. Считается, что наличие естественности, хорошей внешности, голосовых данных у артиста вполне достаточно для его присутствия в любой пьесе. Маренников поиск характера своего героя начинает с поиска его внешнего вида. Он долго присматривается к людям, вслушивается в речь, ищет характерные черты. Затем рождаются характер и стоящая за ним судьба.

В творчестве Маренникова привлекает доброе начало. Когда ему случается играть человека доброжелательного, он просто «кушается» в материале. Вспомним такие роли, как по-юношески влюбленный капитан Лихояров в «Старой деве» И. Штока, горячий, беспредельно преданный своему другу Агабо Карпе в спектакле «Пока арба не перевернулась» О. Иоцелиани, мудрый часовщик Гурген в спектакле «Не беспокойся, мама!» Н. Думбадзе и, наконец, Кирилл Сергеевич — артист цирка и эстрады в «Памяти сердца» А. Корнейчука.

Маренников глубоко убежден, что мир не делится на людей хороших и плохих. Человек сложен, и поэтому

так неоднозначны его герои. Подтверждением этой мысли могут служить его работы в классическом репертуаре. Скажем, такие, как Робинзон в «Бесприданнице» и Рисположенский в «Банкроте» А. Н. Островского.

В исполнении Маренникова пустобрех и прихлебатель Робинзон вырастал из фигуры традиционно комедийной в трагедийную. Артист постепенно, шаг за шагом, раскрывал перед зрителями человеческую судьбу, показывая, как под маской шута скрывается душа страдающая и чужая к чужим страданиям.

С тех пор, как был сыгран Робинзон, прошло десять лет. И вот опять Островский, опять человеческая судьба — искореженная, опошленная условиями жизни, вынуждающими человека приспосабливаться, идти на сделку с собственной совестью. В характере Робинзона и Рисположенского есть нечто общее. Но Рисположенский сыгран Маренниковым и глубже, и многограннее, и, конечно же, социальнее. Это не просто добрый и чуткий человек, который умывается слезами, глядя на чужое горе, — это страшное порождение общества, разлагающего человеческую личность.

Рассказ о Маренникове

был бы неполным, если бы я не упомянула о его последних работах — мастере — такелажнике и Вананадзе в спектаклях «Возрождение» и «Целина», поставленных по одноименным произведениям Л. И. Брежнева.

Старый мастер и старый грузин... Люди, за плечами у которых большой жизненный путь. Революция, гражданская и Отечественная войны, послевоенное восстановление страны, освоение целинных земель Казахстана — все эти этапы истории советского народа прожиты и пережиты героями Маренникова вместе с народом. Вот почему для убежденных седина стариков такие понятия, как жизнь и земля, хлеб и мир, неразрывно связаны с понятием Родина.

В эти роли Леонид Семенович Маренников — артист и гражданин — вложил всю свою житейскую мудрость, весь пыл своей души, всю теплоту своего сердца и огромную веру советского человека в великое предназначение своей Родины.

Леонид Семенович Маренников — жизнелюб. Он любит жизнь во всех ее проявлениях и в самых неожиданных ее поворотах черпает силу, уверенность, вдохновение. Он твердо убежден, что только ощущение жизни как непрерывной новизны является той плодотворной почвой, на которой, по словам его любимого писателя Константина Паустовского, «расцветает и созревает искусство».

К. ОСТРОВСКАЯ.